

Притчевые сюжеты в произведениях Лескова 1880-х гг.

*«Святой порыв любви и не менее святое терпение»:
сюжет о спасении в рассказе «Человек на часах»
(«Спасение погибавшего»)*

Поздние рассказы, повести, легенды Н.С. Лескова — это особый этап в его творческой жизни, своеобразный итог духовных исканий. На протяжении 1885–1890-х гг. писателем создано несколько произведений, имеющих отличающиеся авторские жанровые определения. Но при всей разнице жанровых дефиниций поздние лесковские повести, рассказы и легенды сходны в главном: они имеют совершенно явный морализаторский характер, сюжет, в который обязательно «вложен» поучительный пример и «завернут» аллегорический назидательный смысл. Наиболее близок им по сюжетной организации, смыслу, коммуникативной направленности жанр притчи: он словно объединяет их, разножанровые, разностилевые, одной задачей и вдыхает в них одну и ту же учительную идею, присущую всем сразу.

Идея эта — невозможность жить по христианскому учению, не жертвуя собою и своим благом ради ближнего. Именно она объединяет сюжеты «Богоугодного дровосека», «Скомороха Памфалона», «Человека на часах», «Горы», «Бедной Азы». Нельзя сказать, что мысль эта неожиданна для лесковского творчества, однако именно в произведениях 1880-х гг. она предельно обнажается. В каждом из произведений герой-праведник обязательно ценою собственного благополучия помогает другому человеку: будь то скоморох, отдавший все свои накопления Магне ради выкупа ее самой и ее детей («Скоморох Памфалон»); златокузнец Зенон, идущий на гору молиться, невзирая на отказ более слабых духом, и спасающий не столько себя, сколько всех остальных («Гора»); Аза, пожертвовавшая все состояние попавшему в беду человеку и умирающая от голода и холода, отверженная людьми («Прекрасная Аза»). Всех этих героев можно назвать героями-спасителями. К таковым можно отнести и главного героя рассказа «Человек на часах» — часового Постникова, оставляющего свой пост ради спасения утопающего.

Начинается произведение с маленькой, в четверть странички главки, где говорится о том, что событие, о котором пойдет речь, «трогательно и ужасно по своему значению для главного героического лица... а развязка так оригинальна, что подобное ей едва ли возможно где-нибудь, кроме России. Это составляет отчасти придворный, отчас-

ти исторический анекдот...»¹. То есть произошедшее относится к ряду исключительных событий. Однако тут же говорится, что это случай, «неудно характеризующий нравы и направление очень любопытной, но крайне бедно отмеченной эпохи тридцатых годов совершающегося девятнадцатого столетия» (8, 151), то есть обладает какими-то важными характерными, возможно, типическими чертами.

Суть случившегося такова: солдат, стоящий на карауле, слышит крики о помощи. На Неве тонет провалившийся под лед человек. Часовой оставляет пост, вопреки уставу, и спасет утопающего. Начальство в замешательстве, как должно поступить: за нарушение устава положено строгое наказание, а за спасение человека — награда. В итоге награду получает офицер, к делу непричастный, а сам спаситель подвергнут телесному наказанию.

Действие развивается следующим образом. Собственно повествование о произошедшем начинается со второй главы. Точно фиксируется время случившегося: «Зимой, около Крещения, в 1839 году в Петербурге была сильная оттепель» (8, 151). Вследствие оттепели на Неве образовались многочисленные полыньи. В третьей главе становится известно, что во время ночного караула произошло нечто из ряда вон выходящее. В четвертой начинается сам рассказ о трагическом происшествии, ведется он от лица автора-повествователя. Солдат Постников, «человек очень нервный и очень чувствительный» (8, 156), слыша крики о помощи утопающего в Неве, понимает, что «спасти этого человека чрезвычайно легко. Если теперь сбежать на лед, тонущий непременно тут же и есть. Бросить ему веревку, или протянуть шестик, или подать ружье, и он спасен» (8, 156). Однако солдат колеблется, поскольку «помнит службу и присягу; он знает, что он часовой, а часовой ни за что и ни под каким предлогом не смеет покинуть своей будки» (8, 156). В результате тяжелой душевной борьбы солдат все-таки бросается на помощь и спасает гибнущего человека. В его размышлениях присутствует такой момент: «Видно, что человек еще не потерялся и держит путь верно, прямо на свет фонарей, но только он, разумеется, все-таки не спасется, потому что именно тут на этом пути он попадет в иорданскую прорубь, там он ему нырок под лед и конец...» (8, 156).

Потом в самый решающий момент «Все ближе и ближе стоны, и уже слышно бурканье и отчаянное барахтанье. Тону! Спасите, тону! — тут вот сейчас и есть иорданская прорубь... Конец!» (8, 157). Постников не выдерживает, спасает несчастного, сам весь промокает.

---

¹ *Лесков Н.С.* Собрание сочинений: В 11 т. М., 1958. Т. 8. С. 151. Далее ссылки даются в тексте на это издание с указанием тома и страниц.

На удачу часового мимо проезжает офицер придворной инвалидной команды, которому тот и передает пострадавшего и возвращается на свой пост.

Между тем офицер решил воспользоваться ситуацией и получить медаль за спасение погибавших, он везет промокшего бедолагу в участок. Там офицер подвергнут пристальному допросу, поскольку неясно, как «он сам весь из воды сух вышел» (8, 158). Начальство же Постникова в полной панике из-за происшествия: часовой оставил пост, вопреки всем «регламентам», все боятся высочайшего гнева. В итоге ситуация разрешается ко всеобщему удовольствию: офицер получает желанную, хотя и не заслуженную им медаль, начальники часового избежали взысканий и недовольства высочайших особ, сам Постников тем не менее наказан, хотя и с оговоркою, что по тем временам и нравам понесенное им наказание — двести розог — было еще довольно мягким, могло быть много хуже. В лазарете после приведения наказания в исполнение Постникова навещает полковник Свиньин, отдавший о том распоряжение, теперь он проявляет милость, приказывает выдать тому «фунт сахару и четверть фунта чаю» (8, 170). На это пострадавший за спасение другого человека часовой отвечает: «Много доволен, ваше высокородие, благодарю за отеческую милость» (8, 170).

У Лескова то, как случившееся «презентовано», рассказано, всегда не менее важно, чем сам случай. Именно речь становится у Лескова основным проводником авторских оценок, в лесковском *как* гораздо больше значения и смысла, нежели в *что*. А *как* всегда продиктовано идейным *зачем*. Итак, рассказ поначалу был назван «Спасение погибавшего», что помимо прямого соотношения с содержанием истории о помощи утопающему имеет довольно прозрачный метафорический смысл: традиционно понимаемое христианским сознанием спасение погибающего рода людского и отдельной души обращением к Богу. Действие рассказа приходится на крещенское время, все случается в иорданской проруби. Часовой принял символическое крещение в ней, спасая неведомого ему человека. Сам пострадавший ни разу не будет назван по имени. Часовой же все время зовется исключительно по фамилии: «Постников» от «пост» — это и пост, который им оставлен, и христианский пост. Почему на фоне истинных фамилий участников происшествия² появляется именно такая, «говорящая» и двузначная фамилия? В чем смысл этой языковой игры, которая у Лескова никогда не бывает праздною? Возможно, это одна из тех «семантизированных

---

² Комментарий // Лесков Н.С. Собр. соч. Т. 8. С. 577.

ных деталей»³, благодаря которым создается второй план, внутренний сюжет с метафорическим значением. Свою фамилию герой полностью оправдывает. Спасая другого ценою собственной «гибели», Постников становится истинно христианским праведником. Его внутреннее смирение совершенно искренне: он ни на что не претендует, ни на заслуженную награду, ни на снисхождение начальства, ни о чем не просит, молчаливо и покорно ждет в карцере своей участи. Узнав о решении начальства, не ропщет, напротив — рад, что сподобился «*отеческой*»⁴ милости». Наказание Постникова, вполне обыкновенное и довольно распространенное по тем временам, в контексте идеи рассказа заставляет вспомнить о христианских мучениках, претерпевавших за свою веру и бичевание, и битье палками, но от веры не отрекавшихся.

Смысл перенесенных мук — душевных и физических — объяснен дважды в финале рассказа. Сперва от лица владыки, утверждающего, что «наказание же на теле простолюдину не бывает губительно и не противоречит Писанию. Лозу гораздо легче перенести на грубом теле, чем тонкое страдание в духе» (8, 173). Далее в заключительной главке размером, как и самая первая, с один абзац дано мнение автора-повествователя, его оценка произошедшего. Приведем ее полностью: «Если бы я имел дерзновение счастливых избранных неба, которым по великой их вере, дано проникать тайны божия смотрения, то я, может быть, дерзнул бы дозволить себе предположение, что, вероятно, и сам бог был бы доволен поведением созданной им смиренной души Постникова. Но вера моя мала; она не дает уму моему силы зреть столь высокого: я держусь земного и перстного. Я думаю о тех смертных, которые любят добро просто для самого добра и не ожидают никаких наград за него где бы то ни было. Эти прямые и надежные люди тоже, мне кажется, должны быть довольны святым порывом любви инее менее святым терпением смиренного героя моего точного и безыскусственного рассказа» (8, 173).

И хотя, с одной стороны, как сообщают исследователи, «в основу рассказа положены действительные события» (8, 577), реальное происшествие под пером Лескова оказывается аллегоричным и обретает метафорическое толкование. По сути, это повторение сюжета о Христе, принесшем Себя в жертву во имя рода людского. Спасение жизни другого, даже не названного по имени человека, явившись завязкой рассказа, оказывается не самым главным его событием. Премного

---

³ Дыханова Б.С. В зазеркалье волшебника слова: Поэтика отражений Н.С. Лескова. Воронеж, 2013. С. 201.

⁴ Курсив здесь и далее наш, кроме специально оговоренных случаев. — Н.Н.

важнее, и об этом свидетельствует постоянная рефлексия на эту тему других персонажей, событие принесения Постниковым себя в жертву во имя другого человека, его христианское смирение перед возможной и грозящей ему за то гибелью. На протяжении всего рассказа почти всеми вышестоящими над Постниковым не раз повторена мысль: «Он понимал, что спасая жизнь другому человеку, он губит самого себя» (8, 172).

Последняя глава подобна притчевому «выкладу», толкующему смысл рассказанного. Таким образом, первая и последняя главки по сути своей — обрамление. И если в самом начале говорится про необычный, из ряда вон выходящий «анекдот», то финал, полностью посвященный моральной оценке произошедшего и «богоугодности» поведения главного героя, заставляет читающего увидеть в конкретном происшествии универсальную, евангельскую суть, толкуя его, словно притчу. Возможно, поэтому в окончательном варианте заглавия рассказа смещены семантические акценты: не факт спасения утопающего в Неве является смыслообразующим событием, а понимание того, что «человек» должен быть всегда «на часах» в деле спасения ближнего и собственной души, невзирая на любые испытания.

*Сюжет о двух праведниках: повесть «Скоморох Памфалон»
в свете «Беседы о том, что для плодоносного покаяния
необходимо отвержение самомнения»
и в сопоставлении с сюжетом притчи о кожевнике
из «Отечника» святителя Игнатия Брянчанинова*

Общая идея «Скомороха Памфалона» и «Человека на часах» была отмечена еще одним из первых рецензентов: «Скоморох и рядовой Постников поступали совсем не по „регламентам“, даже вопреки „регламентам“; оба, „спасая жизнь другому человеку“, губили самих себя» (8, 578). Сам писатель мыслил их рядом. Как гласит комментарий к рассказу, Лесков писал С.Н. Шубинскому: «Указываемые Вами два рассказа: „Кадетский монастырь“ и „Скоморох“, отдаю в ваше распоряжение... Но я советовал бы присоединить к тем двум еще и „Спасение погибавшего“ из „Русской мысли“, ибо он тоже относится к „праведникам“... Мне бы очень хотелось, чтобы все эти добряки собрались вместе» (8, 577).

«Скоморох Памфалон» («Боголюбезный скоморох») написан несколькими месяцами раньше «Человека на часах» («Спасение погибавшего»), опубликован же сразу следом за ним (одно произведение в марте, другое в апреле), тематика и проблематика двух этих произведений совпадает, однако одна и та же идея о первостепенной важности

христианского смирения реализована на материале совершенно разным. Если «Человек на часах» — это реальный анекдотический случай, звучащий как притча, то «Скоморох» — это притча, превращенная Лесковым в пространный цветистый рассказ, в увлекательную повесть. В основе — обработка известного христианского сюжета о поиске истинного праведника, настолько смиренного, что он почитает себя грешнее всех окружающих. В более кратком виде этот же сюжет представлен в «Повести о богоугодном дровоколе». В повестях «Богоугодный дровокол» и «Скоморох Памфалон» рассказы о поиске праведника различаются степенью детализации: в «Повести о богоугодном дровоколе» изложение предельно кратко, а в «Скоморохе Памфалоне», напротив, развернуто, и кроме этой сюжетной линии в повести есть и другие, хотя все они подчинены главной идее.

Вопрос об источниках «Повести о богоугодном дровоколе» и «Скомороха Памфалона» не раз уже привлекал внимание исследователей, но именно эта притча предметом анализа пока не становилась. В работах М.П. Чередниковой, О.А. Державиной, В.А. Туниманова, А.М. Ранчина⁵ рассмотрены фольклорные источники, переписка писателя в период создания произведений, изучен вопрос влияния цензурных требований на их трансформацию. И.Н. Минеевой дан подробный историко-литературный комментарий к «Скомороху Памфалону»: «Переработанный средневековый сюжет получает у Лескова новую актуальность в 1886г. На основе конспекта создается старинное сказание „Боголюбезный скоморох“. Толчком его написания послужила полемика писателя с читателями журнала „Дело“ и Л.Н. Толстым, автором художественных пересказов легендарных источников»⁶. Сам Лесков, указывая близким адресатам на житие Феодула из Пролога, скрывал источник повести от широкого читателя «в силу противоречия между источником и *вольностью* его трактовки»: «Повесть из Прологов кончил и ею доволен. Источника фабулы не указываю. <...> *Перечитал и изучил для нее немало*» (8, 584).

---

⁵ Чередникова М.П. Об источниках легенды Н.С. Лескова «Скоморох Памфалон» // Русский фольклор. Т. XIII. Л., 1972; Ранчин А.М. К творческой истории легенд Лескова «Повесть о богоугодном дровоколе» и «Скоморох Памфалон» // Неизданный Лесков. Литературное наследство. Т. 101, кн. 1. М.: Наследие, 1991; Державина О.А. «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. М., 1965. С. 150–152.

⁶ Минеева И.Н. Житие «Память преподобного отца нашего Феодула епарха» в русской литературе конца XIX в. (на материале творчества Н.С. Лескова) // Актуальные проблемы изучения литературы на перекрестке эпох. Форма и содержание: категориальный синтез. Белгород, 2007. С. 296–305.

Последнее замечание писателя дает основания обратиться к такому весьма известному, но до сих пор не учтенному источнику, как «Житие Антония Великого», в состав которого входит притча о кожевнике из Александрии. Вольная интерпретация Лесковым названного сюжета из Пролога по смыслу очень близка рассказу из «Жития Антония Великого», включенному в качестве самостоятельной притчи в «Отечник» Игнатием Брянчаниновым:

«199. Однажды блаженный Антоний молился в келлии своей, — и был к нему глас: „Антоний! ты еще не пришел в меру кожевника, живущего в Александрии“. Услышав это, старец встал рано утром и, взяв посох, поспешно пошел в Александрию. Когда он пришел к указанному ему мужу, муж этот крайне удивился, увидев у себя Антония. Старец сказал кожевнику: „Поведай мне дела твои, потому что для тебя пришел я сюда, оставив пустыню“. Кожевник отвечал: „Не знаю за собою, что бы я сделал когда-либо и что-либо доброе; но этой причине, вставая рано с постели моей, прежде нежели выйду на работу, говорю сам себе: все жители этого города, от большого до малого, войдут в Царство Божие за добродетели свои, а я один пойду в вечную муку за грехи мои. Эти же слова повторяю в сердце моем прежде, нежели лягу спать“. Услышав это, блаженный Антоний отвечал: „Поистине, сын мой, ты, как искусный ювелир, сидя спокойно в доме твоём, стяжал Царство Божие; я, хотя всю жизнь мою провожу в пустыне, но не стяжал духовного разума, не достиг в меру сознания, которое ты, выражаешь словами твоими“⁷.

В притче в кратком виде представлена идея, являющаяся центральной в лесковской интерпретации, а фабула совпадает с фабулой «Скомороха» в основных пунктах: 1) глас отшельнику о необходимости найти праведника — простого человека, в большом городе; 2) просьба рассказать, чем же тот праведен; 3) недоумение праведника, считающего себя недостойным грешником; 4) ответ праведника на вопрос отшельника; 5) осознание отшельником превосходства найденного им праведника в деле спасения. В произведении Лескова столпник Ермий, в прошлом знатный и влиятельный государственный человек, слышит глас с неба, приказывающий ему найти нищего скомороха. Когда Ермий подчиняется и находит в большом городе скомороха, то сначала не может понять, зачем ему нужен этот грешный, оборванный лицедей, и настойчиво пытается расспросить его о «богоугодии». Скоморох в свою очередь не может взять в толк, о чем он должен поведать отшельнику. Отличие героев заключено не только в их социальном положении, но в их отношении к Богу и самим себе.

---

⁷ *Брянчанинов И.* Отечник. М., 2009. С. 47.

Скоморох Памфалон, подобно кожевнику из притчи, искренне недоумевает: «Эх, отец, отец! Если бы ты знал, как мне смешно тебя слушать. <...> О каком богоугодии я могу думать при такой жизни!» (8, 192). Однако у Лескова удивлен не только праведник: «В изумлении стояли друг перед другом два эти совсем несходные человека: один скоморох, скрывший свой натуральный вид лица красками, а другой — весь излинявший пустынный. На них смотрели длинномордая собака и разноперая птица. И все молчали. А Ермий пришел к Памфалону не для молчания, а для беседы, и для великой беседы» (8, 193).

Начиная с внешнего вида, Ермий и Памфалон сразу противопоставлены друг другу. Удивление скомороха описано подробно: сперва он удивлен внешним видом отшельника и отсутствием у него кошницы и тыквы, затем ему кажутся смешными и странными его вопросы. Далее антитеза развита в изображении поведения героев: отшельник будет настойчив в требовании беседовать с ним, не думая о нуждах скомороха, а скоморох, невзирая на иные хлопоты, будет смиренно заботиться о госте, омывая ему ноги, готовя ночлег.

Слова кожевника из притчи: «Не знаю за собою, что б я сделал когда-либо и что-либо доброе», — перекликаются со словами скомороха: «Я верю, что сам из себя ничего хорошего сделать не сумею» (8, 193), и продолжают, развивают их смысл: «А если создавший меня сам что-нибудь лучшее из меня со временем сделает, ну так это его дело. Он всех удивить может» (8, 193). Сохранена удивленная реакция праведника на слова отшельника: «Какие научения могу дать я, дрянной скоморох, тебе, мужу, имевшему силу рассуждать о Боге и людях в святом безмолвии пустыни? Господь меня не лишил совсем святейшего дара своего — разума, и я знаю разницу, какая есть между мною и тобою, не оскорбляй же меня, старик, позволь мне омыть твои ноги и почивай на моей постели» (8, 195). В словах скомороха звучат евангельские аллюзии. Далее скоморох, заботливо послужив гостю, идет в ночь по зову гетер.

Наутро, подчинясь настоятельным просьбам, Памфалон рассказывает Ермию свою историю о том, как и зачем он отдал все свои сбережения, которые хотел потратить на приобретение уединенного уголка, расставшись со «скверным ремеслом». Скоморох помог избавиться от рабства одной благородной женщине. После рассказа Памфалона о спасении им Магны и ее детей Ермий понимает наконец, чем тот стал «богу любезен» (8, 201): «Вечность впусте не будет... перейдут в нее путем милосердия много тех, кого свет презирает и о которых я, гордый отшельник забыл, *залюбовавшись собою*» (8, 229).

В «Отечнике» И. Брянчанинова после самой притчи о кожевнике следует комментарий святителя: «Глубина смирения есть вместе и вы-

сота преуспевания. Нисходя в бездну смирения, восходим на небо. Покушающийся взойти на небо без посредства смирения низвергается в бездну самомнения и погибели»⁸. Эти строки буквально реализованы в сюжете лесковского «Скомороха». И.Н. Минеева в историко-литературном комментарии к «Скомороху Памфалону» отмечает, что «Лесков изображает смерть скомороха в духе типичного для христианской литературы описания возвращения человека по завершении им земной жизни в божественную сферу бытия — „на небо“. Ср. в Римском патерике (VI в.) изображение исхода души праведного епископа: „отец устремил... взгляд на этот блеск небесного света и увидел в огненном сиянии душу Германа... несомую ангелами на небо“ (Кн. 2, гл. 35 „О всем мире, собранном пред глазами его, и о душе Германа, епископа города Капуи“)⁹. Комментируя следующие лесковские строки: «между ними вдруг стала преграда... это как бы частокол или решетка... какие-то знаки... во весь небосклон большими еврейскими литерами словно углем и сажей напачкано слово: „самомнение“», — исследователь указывает на то, что такова «традиционная в народной и книжной эсхатологии „материализация“ человеческих грехов. Сюжетная параллель к данному фрагменту обнаруживается, в частности в „Повести о видении Антония Галичанина“ (XVI в.): „И увидел перед собою грехи мои от юности моей... Всякий грех воображен, написан не книжными словами, как на иконах, и не красными писано, а дегтем, но прозрачно и разумно“¹⁰.

Действительно, финал «Скомороха Памфалона» являет собой буквально воплощенную метафору «восхождения на небо», перед «покушавшимся взойти без посредства смирения» Ермием встали преградой на пути ввысь огненные буквы, составившие слово «самомнение». Помимо несомненной ориентации на традицию «материализации человеческих грехов в народной и книжной эсхатологии», Лесков здесь словно вторит Брянчанинову: в качестве итогового финального слова звучит слово «самомнение», а не «гордыня», «гордость» или же другие синонимы. «Материализуется» ключевое слово.

Сюжетное решение идеи преодоления самомнения и гордыни в «Скоморохе Памфалоне» также удивительно напоминает некоторые места из поучения Брянчанинова из «Беседы о том, что для плодоносного покаяния необходимо отвержение самомнения»: *«Недостаточно избрать для жительства место, удобное к покаянию; недостаточно оставить имущество, сродников и друзей, отрешиться от близких и*

---

⁸ Брянчанинов И. Отечник. С. 48.

⁹ Минеева И.Н. Житие «Память преподобного отца нашего Феодула епарха»... С. 300.

¹⁰ Там же.

*частых сношений с миром, недостаточно этого. Это — только вспомогательные средства к покаянию, это — деяния, долженствующие предшествовать покаянию. <...> Продав имение, то есть оставив вешество и прервав связи с миром, надо *сотворить плоды, достойные покаяния*, чтобы покаяние было действенным, достигало своей цели. ...Надо, чтобы *дух наш сокрушился и смирился от боголюбезной печали*, рождающейся от сознания и ощущения своей греховности; *надо извергнуть из себя самомнение*, в каком бы виде оно ни присутствовало в нас. При самомнении покаяние невозможно. <...> *Зараженный самомнением не способен усвоиться Богу*»¹¹.*

Писатель словно буквально следует за словами святителя, воплощая метафоры Брянчанинова в конкретные событийные элементы сюжета. В начале «Скомороха Памфалона» подробно описано, как Ермий раздал богатое имущество, нашел подходящее место: «Ермий пришел к отдаленному городу и совсем неожиданно для себя нашел „некий столп“. Это была высокая каменная скала, и с расщелиной, и в середине расщелины было место, как только можно одному человеку установиться. „Вот, — подумал Ермий, — это мне готовое место“» (8, 177). На этом месте он простоит столпником тридцать лет. Но впоследствии окажется, что найти удобное для покаяния место, раздать имущество и оставить «сродников и друзей» недостаточно. Его дух сокрушен от печали, но отнюдь не «боголюбезной»: Ермий печалится, что мир погряз во грехе, а вовсе не от «сознания и ощущения своей греховности».

«Боголюбезный» скоморох, напротив, искренне печалится и прежде всего потому, что считает себя неисправимым грешником. Он думает, что коль не смог отречься от своего ремесла, спасая попавшую в беду Магну и ее детей, и нарушил тем самым свой обет Богу, то уже «исправление жизни моей и с ней надежда на блаженную вечность навсегда разлетелись» (8, 229). Он сетует в финале своего рассказа: «Так я теперь и остаюсь скоморохом — я смехотвор, я — беспутник... я дегтярная бочка, я негодная дрянь, которую ничем уже не исправишь» (8, 229). И хотя Ермий говорит, что «спасение невозможно без того, чтобы *угодить Богу*» (8, 192), истинный смысл того, как именно угодить Богу, ему открывается лишь после рассказа скомороха. Самомнение в лице Ермия и смирение в лице Памфалона словно художественные аллегории, в точности иллюстрирующие еще одно поучение Брянчанинова о «боголюбезной праведности» в «Аскетической проповеди»:

«Такова боголюбезная праведность! Она производится в человеке осенившею его Божественной благодатью, и благоугождает Богу делами богопреданной правды. Богоугодный праведник не перестает при-

---

¹¹ *Брянчанинов И.* Аскетическая проповедь. Минск, 2002. С. 370–371.

знать себя грешником не только по причине своих явных грехов, но и по причине своей естественной правды, находящейся в горестном падении... <...> Преподобный Пимен Великий говорил: „Для меня приятнее человек согрешающий и кающийся, нежели негрешащий и некающийся: первый, признавая себя грешником, имеет мысль благую, а второй, признавая себя праведным, имеет мысль ложную“¹².

Слова поучения почти дословно совпадают с речами лесковских персонажей. Исходя из рассуждения Брянчанинова, скоморох, проводящий жизнь в заботах о куске хлеба, к Богу ближе, поскольку признает себя грешным: «я ведь сын греха» (8, 195), «я человек негодный» (8, 197) — постоянно говорит он о себе. В первоначальном варианте рассказ был назван «Боголюбезный скоморох» (8, 377–378), но в 1886 г. «Повесть о богоугодном дровоколе» со сходным сюжетом, опубликованная в составе статьи о Л.Н. Толстом в издании «Новости. Биржевая газета», была запрещена цензурным комитетом, а печать «Скомороха» приостановлена (8, 377–378). Лесков, подчинившись требованиям цензуры, поменял имена главных действующих лиц в «Скоморохе», а также изменил название: вместо эпитета «боголюбезный» в новом варианте в заглавие вынесено новое имя главного героя — «Скоморох Памфалон», что дало необходимое нейтральное звучание, хотя сами слова «богоугодный» и «боголюбезный» в тексте остались. В них заключена характеристика героев, и вопрос лишь в том, почему именно эти герои являются угодными Богу. Отшельник Ермий пытается найти ответ на него в беседе с самим «боголюбезным» праведником.

И в «Скоморохе Памфалоне», и в «Повести о богоугодном дровоколе» праведники, от которых предстоит получить ответ, не сразу распознаются влиятельными лицами. Ермий думает: «...это невозможно, чтобы человек, для свидания с которым я был снят с моего камня и выведен из пустыни, был скоморох? Какие такие добродетели, достойные вечной жизни, можно заимствовать у комедианта, у лицедея, у фокусника, который кривляется на площадях и потешает гуляк в домах, где пьют вино и предаются беспутствам?» (8, 188). Аналогичная ситуация в рассказе о дровоколе, где народ и епископ никак не могут поверить, «чтобы еледвигающийся под вязанкою дров мужик был всех лучше для вознесения Богу молитвы об общественном бедствии? Но никого другого, кроме этого старика, не показывалось, и выбирать было не из кого, и епископ решил остановить дровокола и просить его вознести к Богу моление...» (11, 105).

Каждый из них: и дровокол, и скоморох — совершенно убеждены, что они далеки от Бога и даже помышлять о нем за постоянными труда-

---

¹² Там же. С. 22–23.

ми им некогда: «Да так, я живу в суете, а когда нарочно соберусь спастись, то на меня нападает тоска и вместо хорошего еще хуже выходит...» (8, 202). Суждения о собственной грешности предваряют любые слова скомороха: «кругом я грязен и скверен», «я большой грешник и бражник, но что хуже всего, — я обманщик» (8, 202). Похож и ответ дровокола епископу: «Я самый обыкновенный грешник и провожу жизнь мою в ежедневной житейской суете и хлопотах... даже думать о богоугодных делах мне некогда...» (11, 107). Напротив, и столпник Ермай, и епископ полагают, что ведут богоугодную жизнь. Однако молитва епископа о дожде не услышана, а возносящейся на небеса душе Ермай поставлен предел из слова «самоумнение», предел этот стерт одним движением души Памфалона. В слове «самоумнение», как в фокусе, собран весь смысл повести. Боголюбезность, заявленная в первоначальном варианте заглавия «Боголюбезного скомороха», таким образом, противопоставлена самоумнению. В двух сильных текстовых позициях «заглавие — финал» ключевые слова образуют антонимическую пару, которая постоянно повторяется в сочинениях Игнатия Брянчанинова, а сами понятия, именно в такой номинации и связке («боголюбезность — самоумнение»), неоднократно становятся предметом размышлений святого.

Проблема смирения и гордыни традиционна для христианской литературы, и у каждого автора есть свои назидательные примеры и советы о преодолении греха гордыни и обретении добродетели смирения, изблюбленные наименования и синонимы для обозначения самих понятий. Игнатий Брянчанинов, именуя гордыню, пользуется по преимуществу словом «самоумнение», а смирение у него всегда звучит как «богоугодность», «боголюбезность» и, противопоставленное «самоумнению», всегда упоминается с ним в связке как неотъемлемая часть антиномической пары. В отличие, например, от Тихона Задонского, называющего гордыню не иначе как «гордостью», «высокоумием», а смирение «смирением», «кротостью», «уничижением»¹³. У Тихона Задонского есть подробное, пронумерованное описание признаков гордости и смирения в сочинении «Плоть и дух», систематизирующая характеристика этих качеств, но даже в столь подробном изложении не встречается слово «самоумнение». А вот Игнатий Брянчанинов почти не использует слово «гордость», предпочитая слово «самоумнение», а для смирения — «боголюбезность», «богоугодность»¹⁴, что дает основания назвать этот факт характерной чертой его индивидуального стиля.

---

¹³ Задонский Т. Плоть и дух // Задонский Т. Полн. собр. творений: В 5 т. М., 2003. Т. 1. С. 786–787; т. 4. С. 385–387.

¹⁴ Брянчанинов И. Аскетическая проповедь; Он же. Отечник.

Именно те же слова — «самоумнение» и «боголюбезность» — становятся ключевыми в повести «Скоморох Памфалон»¹⁵. Дело даже не в частоте их употребления, она как раз невысока, а в том, что именно гордыня и смирение, названные в точности так же, как в сочинениях известного современника, Игнатия Брянчанинова, становятся той конструктивной антитезой, что организует и связует логику повествования в целом. Фабула полностью соответствует притче о кожевнике.

Примечательно, что в последних строках к статье «Лучший богомолец», в состав которой был включен рассказ о богоугодном дровосеке, Лесков отзывается о журнальной критике народных рассказов Л.Н. Толстого, повторяя слова о боголюбезности: «Напрасно вменяется ему во злое намерение показать, что люди собственными их силами в самой скромной доле могут устроить свою жизнь так, что она станет *боголюбезною*» (11, 114). Слово в лексиконе писателя прижилось, и хотя из заглавия повести оно было изъято, однако осталось в его текстах. Вполне возможно, что и само обращение к сходному сюжету в Прологе произошло не без воздействия сочинений Брянчанинова. Трактовка сюжета не просто совпадает с рассуждениями святителя, а является буквальной реализацией его метафор, герои произносят близкие по содержанию речи.

Таким образом, в повести «Скоморох Памфалон» сюжет имеет индикаторное прочтение и назидательное значение. Развертывание сюжета повести повторяет порядок событий в притче о кожевнике, сохраняя контуры и логику изложения и толкования событий, несмотря на вкрапление большого количества деталей, а также вставной рассказ скомороха о его любви к Магне и ее спасении. В свете поучений святителя о самоумнении и боголюбезности повесть Лескова предстает как развернутая художественная иллюстрация проводимых идей, как буквальное воплощение аллегорий и абстрактных рассуждений святителя. В повести Лескова, как и в притче, «сюжетные компоненты... оказываются... не более чем метафорами ее дидактической идеи»¹⁶. Сюжет, положенный Лесковым в основу повести, разрастается до пространной истории, однако сама история сохраняет «функцию притчи» — «функцию раскрытия и иллюстрации морального положения, функцию образного и сюжетного расширения учительного повествования, учительного

---

¹⁵ К сожалению, пока предложенный «Виртуальной научной лабораторией „Н.С. Лесков“» частотный словарь вообще не включает в состав слова «богоугодный» и «боголюбезный», лишь однократное «боголюбивый», а «самоумнение» отмечено десятью словоупотреблениями.

¹⁶ *Силантьев И.В.* Сюжетное повествование в Древней Руси. Новосибирск, 2003. С. 51.

контекста»¹⁷. В «Повести о богоугодном дровосеке», в силу ее краткости, притчевая суть еще более обнажена.

Если прочитывать повесть о скоморохе в контексте учений святителя Игнатия Брянчанинова, то она воспринимается как развернутая притча, обретает сугубо морализаторское значение. По сути, в позднем творчестве Лескова она, наряду с другими подобными произведениями («Бедная Аза», «Гора» и др.), выступает «в функции притчи», модернизированной для современного Лескову читателя. Писатель «упаковывает» притчевый смысл в пространное повествование, «камуфлирует» поучительное значение увлекательностью сюжетных ходов, в итоге жанрово превращая притчу в повесть, но сохраняя при этом сюжет, дидактическую идею и коммуникативную направленность, присущую именно притче.

*Когда «око темно»:
сюжет о слепоте и прозрении
в повести «Пугало» (1885)*

Повесть «Пугало» впервые была опубликована в 1885 г. В 1887 г., в тот же год, когда были изданы «Скоморох Памфалон» (март) и «Человек на часах» (апрель), Н.С. Лесков предлагает в ноябрьском письме к А.С. Суворину переиздать рассказ в «Дешевой библиотеке», но по каким-то причинам переиздание не состоялось (8, 567). Идея, лежащая в основе «Пугала», сюжет, назидательная направленность оказываются близки тем идеям и сюжетам, которые обнаруживаются в большинстве лесковских произведений, написанных в 1886–1887 гг. Примечательно, что завязка сюжета повести — то зерно, из которого произрастут подобные же сюжеты произведений, написанных позже — «Скомороха Памфалона» и «Человека на часах».

Главный герой «Пугала» Селиван уходит жить на постоянный двор в лесу, подальше от людей, только потому, что спасает таким образом от людской злобы и неминуемой гибели дочку умершего от голода и холода палача. Старого отца и его юную дочь никто не пускает на порог, они вынуждены ночевать на улице. Приходят холода, старик умирает, девушка остается одна. Внезапно из городка пропадает Селиван. Его исчезновение и переселение в лес для многих так и остались загадкой и тайной, которая будет раскрыта лишь в самой последней главе: «Дело заключалось в том, что Селиван, по нежной доброте своего сердца, был тронут горестною судьбою беспомощной дочери умершего в их городе отставного палача. Девочку эту никто не хотел приютить как дитя чело-

---

¹⁷ *Силантьев И.В.* Сюжетное повествование в Древней Руси. С. 51.

века презренного. Селиван был беден, и притом он не мог решиться держать у себя палачову дочку в городке, где ее и его все знали. Он должен был скрывать от всех ее происхождение, в котором она была неповинна. Иначе бы она не избежала людских попреков от людей, неспособных быть милостивыми и справедливыми. Селиван скрывал ее потому, что постоянно боялся, что ее узнают и оскорбят, и эта скрытность и тревога сообщилась всему его существу» (8, 54).

Селиван из сострадания, ради спасения девушки бросил все, жил вдалеке от людей, терпел несправедливое отношение и попреки. Он, как часовой Постников, как скоморох Памфалон, поставил жизнь ближнего выше собственного благополучия. Однако в «Пугале» этот сюжет лишь «рамочный»: в начале повести решение спасти «палачову дочку» служит завязкой действия, а в финале сообщение о «Селивановой тайне» завешает повествование, подтверждая несправедливость людских предрассудков. В произведениях 1880-х гг. сюжет о спасении ближнего ценою собственного благополучия и даже жизни станет центральным, будет положен в основу «Человека на часах», «Скомороха Памфалона», «Бедной Азы». А в «Пугале» внимание сосредоточено на другом: насколько слепы бывают люди по отношению к своим ближним.

Мотив прозрения встречается в разных произведениях Н.С. Лескова: «На краю света», «Гора» и других¹⁸. В основе сюжета о слепоте и прозрении лежит евангельская притча об исцелении слепого. В «Пугале» внутренним сюжетом является преодоление душевной и духовной слепоты людей: в ребенке и в окружающих его взрослых. Причем именно внутренний сюжет и есть основной, на что указывает в финале повести специальное толкование всего происшедшего с героем — именно этот прием будет не единожды повторен в произведениях Лескова 1880-х гг. Роль такого толкования та же, что и во многих средневековых сборниках поучительных притч и рассказов («Римские Деяния», «Великое зеркало»), где после краткой истории дается «приклад», то есть толкование в свете христианского учения, и рассказ вдруг из простой сюжетной истории превращается в назидание.

Повесть «Пугало» примечательна тем, что поучительный сюжет реализован здесь последовательно посредством целого комплекса лейтмотивов, тематически связанных с темой зрения. На значимость лейтмотивов в отдельных произведениях Н.С. Лескова исследователи

---

¹⁸ Коробкова А.А. Мотив слепоты и прозрения в рассказе «Павлин» Н.С. Лескова // Сравнительное и общее литературоведение: Сб. ст. молодых ученых. Вып. 1. М., 2006. С. 176–186.

уже обращали внимание¹⁹. Как системные элементы лесковской поэтики в целом лейтмотивы и аллюзии осмыслены Б.С. Дыхановой²⁰. Однако это не коснулось детального анализа повести «Пугало».

В «Пугале» именно сквозные нити, пронизывая текст, собирают отдельные эпизоды, имеющие свои микросюжеты, в единое идейное целое. По-видимому, Н.С. Лесков хорошо чувствовал и осознавал ответственность этого приема. А.Н. Лесков, сын писателя, в своих воспоминаниях излагает любопытный случай обсуждения рукописи пьесы С.Н. Терпигорева. Пьеса всем понравилась, но у нее не было названия, поскольку автор затруднялся с выбором. Тогда Н.С. Лесков заметил: «Что же ты ищешь!.. Заглавие у тебя так и мелькает в самой пьеске, так и просится! <...> Да „таман“! Самое институтское слово! Камертон для всей твоей остроумной и милой вещицы! По верному авторскому чувству и пониманию, ты пронизал этим словом текст, дал ему этим прекрасное, колоритное звучание. Им все держится и характеризуется. В нем у тебя весь фокус, „все качества“!»²¹. Сквозная «пронизанность» текста одним и тем же словом сразу была распознана писателем как «камертон» ко всему произведению. Разумеется, это вовсе не означает, что данное суждение и названный художественный прием автоматически можно распространить на тексты самого Лескова, хотя соблазн велик. Но, по всей вероятности, эффект сквозного звучания того или иного слова, темы и воздействие повторяющихся элементов текста на читающего (или слушающего) был ему хорошо известен.

Уже в эпиграфе повести «Пугало» — «У страха глаза велики» — отчетливо обозначена идея произведения: занятая человеком позиция (страх) формирует и вполне определенную точку зрения (преувеличение), т.е. именно состояние страха в данном случае предопределяет, задает угол зрения, в результате которого истинное положение вещей предстает перед героем в искаженном виде. Эта авторская мысль подтверждается на протяжении всей повести: именно людской страх, передавшийся ребенку, заставляет бояться Селивана, всеобщего «пугала», сотворенного молвой. Сюжет как раз и заключен в преодолении героем перенятых от окружающих заблуждений о Селиване путем обретения истинного зрения.

---

¹⁹ См.: *Майорова О.Е.* Игра словом у Н.С. Лескова: чудо в рассказе «На краю света» // *Русская речь.* 1986. № 1. С. 27–33; О комплексе лейтмотивов, пронизывающих «Дух госпожи Жанлис» см.: *Жолковский А.К.* Метатекстуальный шедевр Лескова // *Новое литературное обозрение.* 2008. № 93. С. 155–176.

²⁰ *Дыханова Б.С.* В зазеркалье волшебника слова.

²¹ Цит. по: *Лесков А.Н.* Жизнь Николая Лескова. М., 1984. Т. 1. С. 305.

Повесть складывается из «микроисторий», микросюжетов о мнимых проделках местного мужика, живущего на отшибе, в лесу, слышущего колдуном, и повествования о том впечатлении, которое производят эти рассказы на мальчика, главного героя. Однако постоянная апелляция персонажей к органам зрения, задающая повторяемость в тексте повести лексики со значением «видеть», «смотреть», «изменяться на глазах» и т.п., заставляет задуматься о ее семантике в структуре художественного целого произведения. Мотив зрения/слепоты/прозрения «работает» на текстовом уровне, растворяясь в семантическом поле лексики, связанной со зрением и глазами, и создает, помимо фабульного, внутренний, скрытый сюжет.

Действительно, каждый раз герои повести в подтверждение истинности своих суждений о Селиване ссылаются на то, что они якобы видели собственными глазами. Местные жители очень боятся встретиться с Селиваном в «его» лесу, поскольку, по их мнению, «Селиван... стал изменять свой человеческий вид и у всех на глазах обращаться в различные одушевленные и неодушевленные предметы» (8, 17). Селивана «видят» то превратившимся в верстовой столб, то в обличье кабана, то «скинувшегося» петухом, то колесом и др. В тексте повести мало слов с семантикой заблуждения, обмана и самообмана. Зато очень много лексики с семантикой зрения: существительное «глаза», глаголы «видеть», «смотреть» и производные от них слова, повторяются постоянно: «Страх стал всеобщий; но зато со стороны всех вообще началось и за Селиваном всеобщее усиленное *смотрение*» (8, 20).

А в главе 11, где рассказывается о первом походе ребят в лес с целью найти там страшного Селивана, глагол «видеть» (в разных его формах) еще и выделен авторским курсивом, поскольку именно в этой главе многие люди настаивают на том, чего *видеть* они не могли.

Впервые герой узнает о Селиване от мельника Ильи, когда с родителями приезжает в деревню. Наслушавшись рассказов бабушки Ильи и дворовых девушек, мальчик начинает бояться пресловутого разбойника до такой степени, что даже выпрашивает у ключницы большой кинжал из кладовой и спит с ним. Но почему-то именно во сне ребенка Селиван оказывается на редкость добрым и приятным человеком, да еще и лучшим другом: «И пока я спал, мы с Селиваном были в самом приятном согласии: у нас с ним открывались в лесу разные секретные норки, где у нас было напрятано много хлеба, масла и детских тулупчиков, которые мы доставали, бегом относили к известным нам избам по деревням...» (8, 21). Недаром вслед за содержанием снов следует такая ремарка: «Это были, кажется, самые прекрасные сновидения в моей жизни, и я всегда сожалел, что с пробуждением Селиван

опять делался для меня тем разбойником, против которого всякий добрый человек должен был предпринимать все меры предосторожности» (8, 21).

Это первый знак того, что в глубине детской души существует вера в добро, но досужие рассказы окружающих берут верх над детской верой в человеческую доброту. Истину, которую ребенок видит посредством сна и которая открыта ему во сне, наяву застилает суемудрие. Второй случай, демонстрирующий верность душевных побуждений юного героя, — это происшествие, приключившееся с ним и его маленьким братом во время похода в лес с целью разыскать Селивана. Дети отбились от большой компании, заблудились в лесу. Их нашел и, укрыв свою свиткою от проливного дождя, принес на своих плечах домой Селиван.

«Мы на него *смотрели* в это время совершенно потерянно и чувствовали себя вполне в его власти, но — чудное дело — черты его лица *в наших глазах* быстро изменялись. В них мы уже не только не *видели* ничего страшного, но, напротив, лицо нам его казалось очень добрым и приятным» (8, 32). В этих двух предложениях употреблены два глагола зрения: «смотреть» и «видеть», а также использован глагол «изменяться» в сочетании со словами, указывающими на орган зрения: «в наших глазах». Черты лица страшного мужика изменяются «в глазах» маленьких героев, т.е. в процессе всматривания меняется восприятие одного и того же лица. Прежде казавшийся страшным незнакомец приобретает в глазах детей не просто человеческие черты, но представляется и добрым, и приятным. Тем острее чувство несправедливости, которое испытает герой по возвращении, когда люди вместо благодарности за спасение брошенных ими детей начинают выказывать Селивану всяческое презрение: «...свитку его, в которой мы были так хорошо сбережены, бросили ему с величайшим презрением на землю. Кроме того, ему еще угрожали приездом моего отца и тем, что они сейчас сбегают в деревню, позовут с цепями баб и мужиков и пустят на него собак. Я решительно не понимал причины такой жестокой несправедливости...» (8, 33).

Ребенок видит доброе и приятное лицо, но под воздействием окружающих, вопреки своим душевным движениям, «пропитывается» всеобщим негативным настроением и снова становится душевно слепым.

Глава о походе в лес примечательна тем, что в ней впервые маленький герой сталкивается с настоящим, а не вымышленным Селиваном. Только он и его брат видят страшного мужика, остальная компания, так стремившаяся к встрече с ним, бежала в панике задолго до того, как Селиван появился. Старшие, в числе которых дворовая прислуга и учитель детей, бросили младших в лесу под дождем потому,

что им показалось, будто они увидели убитую женщину. Очень интересно, что здесь писатель выделяет глагол «видеть» (в современном издании — курсив) в тексте, когда участники похода рассказывают о случившемся. На протяжении всей одиннадцатой главы, повествующей о всеобщих впечатлениях похода в Селиванов лес, глагол «видеть» в форме прошедшего времени («видели») постоянно выделяется курсивом. Но что именно *видели* участники похода в Селиванов лес? Вслед за гувернером-недоучкой Аполлинарием все утверждают, что *видели* труп молодой крестьянки в белом сарафане, хотя это было совершенно невозможно: «Аполлинарий... был от всех других в отдалении и один споткнулся о труп убитой, но все Аннушки и Роськи клялись и божились, что они тоже *видели* убитую. <...> Все клялись, что все видели, точно эта мертвая баба в одно мгновение ока *проявилась* на всех местах *под глазами* у каждого» (8, 35).

Но и сам факт более чем сомнителен: «...*видел ли* в действительности такую женщину Аполлинарий? Едва ли это было возможно, потому что это дело происходило в самую росталь, когда еще и снег не везде стаял. Древесный лист лежал под снегом с осени, а между тем... кровь из раны еще струилась... Ничего такого в этом виде положительно не могло быть, но между тем все крестились и клялись, что *видели* бабу как раз так, как сказано» (8, 35).

Дурная слава Селивана сложилась как раз из подобных историй. У окружающих Селивана людей словно происходит постоянный обман зрения: то Селивана видят «скинувшегося петухом», то колесом, то в виде верстового столба, то в виде крысы. После разъясняется, что все подобные случаи есть лишь плод разыгравшегося людского воображения и к реальному Селивану не имеют никакого отношения. «Узнавание» ребенком настоящего Селивана происходит в результате стечения необычных обстоятельств. При этом интересно отметить, что ребенок изначально питает симпатию к осужденному молвою «пугалу»: «...несмотря на все, что о нем слышал, — [я] питал в глубине большое сердечное влечение. Я бесповоротно верил, что настанет час, когда мы с Селиваном как-то необыкновенно встретимся — и даже полюбим друг друга...» (8, 21).

Именно так и произойдет впоследствии. Но прежде должна случиться вторая встреча героя с Селиваном. И происходит она в рождественскую ночь. Мальчик вместе с родственниками возвращается из города домой в деревню. По пути их настигает метель. Лошади теряют дорогу и сбиваются с пути. Всем грозит смерть от холода среди степи. Сюжетная ситуация бурана-метели в степи подробно проанализирова-

на в работах Е.К. Никаноровой²². Обычно метель (буран в степи) становится испытанием для героя, в ряде случаев в этой сюжетной ситуации актуализируется мотив чудесного спасения, спасения по воле Божьего промысла, и повесть Лескова не является исключением. Здесь герои ждут погибели: «Конечно, мы погибли! Впрочем, выбор мог быть только в том, что лучше — замерзнуть ли на выюге или пасть под ножом Селивана и его злых сообщников?» (8, 42).

В непроглядной тьме Селиван светит фонарем заблудившимся путникам и впускает их на ночлег. Тетушка просит Селивана спасти их и тот отвечает: «Пусть Бог спасет! Везжайте — изба топлена» (8, 42). А далее уже тетушка пресекает пререкания слуг с Селиваном: «Останемся на волю Божью» (8, 43). Мотив чудесного спасения здесь как бы перевернут: казавшееся сперва чудесным избавление объясняется впоследствии вполне земными и простыми обстоятельствами: герои спасаются, поскольку Селиван вовсе не разбойник, а честный человек, готовый по-христиански помочь ближнему в беде. Заметим, что подобная двойственная трактовка чудесного: как проявление чего-то сверхъестественного и одновременно рационально объяснимого, — свойственна писателю и встречается и в других его произведениях («Соборяне», «На краю света», «Гора» и др.). Божий промысел проявляется в том, что приводит людей не в логово разбойника, а в избу доброго человека. Слово вопреки людскому неверию во спасение, вопреки подозрительности и боязни, Божий промысел заставляет остановиться именно в избе Селивана и найти спасение именно там, где не чаяли.

Мальчик снова замечает про себя, что лицо Селивана не кажется ему страшным: «...при появлении осветившего нас Селиванова фонаря я видел ужас всех лиц нашего бедствующего экипажа... Селиван стоял молча, но в его некрасивом лице я не видал ни малейшей злости» (8, 42). Дальнейшее общение заблудившихся путников с хозяином происходит в полной темноте, так как у хозяина нет ни одной свечки, а последний огарок истрачен. И всю ночь в полной темноте тетушка и прислуга следят за Селиваном, а Селиван — за постояльцами. Всеобщая подозрительность становится причиной недоразумения, в результате которого ранним утром постояльцы спешно бегут из

---

²² *Никанорова Е.К.* Буря на море или буран в степи (к вопросу о типологии мотивов) // *Материалы к «Словарю сюжетов и мотивов русской литературы»*. Вып. 5: Сюжеты и мотивы русской литературы. Новосибирск, 2002. С. 3–37; *Она же.* Буря на море или буран в степи. Статья вторая // *Материалы к «Словарю сюжетов и мотивов русской литературы»*. Вып. 6: Интерпретация художественного произведения: Сюжет и мотив. Новосибирск, 2004. С. 3–31.

приютившего их дома, забыв впопыхах шкатулку со значительную суммой денег. Когда, отчаявшись получить ее обратно, они хотят обратиться к исправнику, их нагоняет Селиван и возвращает пропажу, отказываясь от вознаграждения.

Тьма и непроглядность вокруг создают ситуацию вынужденной слепоты. Герои ничего не видят. И метель, и крошечная ночная тьма в данном случае также являются аналогом потери зрения. В снеговую бурю ничего не видно вокруг, и герои теряют не только дорогу, но также теряют способность видеть — как в прямом смысле, так и в переносном: страх и подозрительность застят глаза и заставляют даже в честном человеке, пришедшем на помощь, видеть злодея. Мотив «сбиться с пути», таким образом, дважды проявляется в «Пугале». Первый раз, когда мальчики, отбившись от компании, остаются одни в страшном лесу и впервые встречают Селивана. Второй раз — в сочельник, в метель. Оба раза от беды их уберегает Селиван. Именно он дважды помогает заблудившимся найти дорогу. Но самое главное — он помогает героям, в особенности маленькому мальчику, «открыть глаза».

Мотив «сбиться с пути» — пути истинного — характерен и для других произведений Н.С. Лескова: стоит только вспомнить повесть «Запечатленный ангел» или рассказ «На краю света». О.Е. Майорова впервые обратила внимание на то, что мотив движения в этих произведениях Лескова «неотделим от религиозных исканий, служит их превращенной реализацией»²³. В сходной функции проявляет себя этот мотив и в «Пугале». Хотя герои и не стремятся к поискам или испытанию веры, как это происходит в других лесковских произведениях, они волей-неволей открывают для себя смысл христианской истины, прозревая в пути, обретая духовное зрение.

Назидательное значение повести подчеркнуто автором в финале. Во-первых, в конце произведения становится понятным, что все привидевшиеся людям превращения Селивана есть не что иное, как досужие домыслы, порожденные страхом. Во-вторых, писатель, обративший читательское внимание на обозначенную проблему первоначально в эпиграфе, потом, словно подводя итоги, снова возвращается к мотивам слепоты/прозрения в финале, где уже переживший духовное прозрение ребенок выслушивает следующее наставление священника по поводу произошедшего: «*Христос озарил для тебя тьму, которою окутывало твое воображение — пусторечие темных людей... Лицо его*

---

²³ Майорова О.Е. Н.С. Лесков: структура этноконфессионального пространства // Тыняновский сборник. Вып. 10. Шестые – Седьмые – Восьмые Тыняновские чтения. М., 1998. С. 123.

казалось вам темным, потому что *око ваше было темно*. Наблюдай это, чтобы *в другой раз не быть таким же слепым*»²⁴.

Источник мотива прозрения — евангельская притча об исцелении Христом слепого. Традиционно слепота трактуется как человеческое заблуждение. Таким же образом обстоит дело и в повести Лескова, и можно с полным правом сказать, что, положив в основу известный сюжет и обогатив его различными смысловыми обертонами, писатель актуализирует его вневременное значение.

«Материальной» нитью, связующей эпиграф с финалом, в котором обнажается назидательная идея духовного прозрения, является пронзанность текста произведения лексикой, обозначающей различные трансформации зрения. В заключение повести следует ссылка на слова евангелия: «Так всегда зло родит другое зло и побеждается только добром, которое, по слову евангелия, делает *око и сердце наше чистыми*» (8, 53). Важно, что истинное зрение невозможно без «чистого сердца». Можно сказать, что за внешним содержательным слоем страшных историй и злоключений с благополучным исходом скрывается еще один план повествования — рассказ о прозрении героев и прежде всего ребенка, о важности зрения внутреннего, духовного, которое изначально есть внутри каждого, но бывает утрачено под воздействием внешних обстоятельств или окружающих людей, под давлением всеобщего мнения, которое отнюдь не всегда бывает истинным.

Основные темы, идеи, объединяющие произведения Лескова 1880-х гг., — мысли о смирении как основе праведности, неотъемлемой добродетели истинного христианина. Сюжет разных по жанру произведений сходен: спасение ближнего ценою собственной жертвы. Источники конкретных вариантов сюжета различны: это и евангельские и агиографические притчи, и рассказы из Прологов, и бытующие анекдоты, «случаи из жизни». Невзирая на существенную разницу источников, их объединяет и скрепляет общий назидательный смысл, идея, раскрытию которой они служат, образуя цельный по своему внутреннему содержанию ряд. Литературное воплощение довлеющей проблематики находит наиболее адекватное выражение в притчевых формах.

В разных по авторскому жанровому определению произведениях писатель последовательно развивает идею преодоления самолюбования посредством самоотверженного служения ближнему, заостряя ее

---

²⁴ Выделено нами. — *Н.Н.*

звучание до притчевой интонации. Именно эта учительная идея становится основной в художественной рефлексии поздних произведений писателя, свидетельствуя не о кризисе отношения к христианству, но о собственном художественном осмыслении христианских заповедей.